

Аньчжэн выиграл Наньмин Лихуо, и его имя будет становиться все громче и громче в Академии Сандао и во всем городе Дакси Цзиньлин. На самом деле, хотя прошло всего несколько дней, внешний мир уже распространил информацию. Молодой человек из Бэйяна был принят из второй больницы в первую за один день, а затем вошел в золотой список.

Но в этот момент показалось, что по улице медленно проехала необычная карета. Погонщик казался обычным стариком, и непонятно почему. Солнце было не очень ослепительным, но он захватил с собой соломенную шляпу. На нем было самое обычное серое полотняное платье, а на ногах - пара полотняных туфель с тысячей слоев. Как ни посмотри на него, это обычный водитель, и никому нет дела до такой кареты.

В карете нет ничего особенного. Карета сделана из дерева. Такую повозку можно увидеть во многих каретах.

Но в карете нет дырки в небе.

Сама карета - это космическое орудие, которое выглядит удивительно большим в обычной карете. В карете находится железная тюрьма, а за пределами железной тюрьмы - зал приемов. Железная тюрьма состоит из тысячи восьмидесяти железных прутьев. Хотя она не выглядит чем-то особенным, эта железная тюрьма известна как одна из самых сильных тюрем в мире. В железной тюрьме находится только один человек. Когда он был жив, он входил в десятку самых могущественных людей в мире.

Фанчжан.

Железная тюрьма очень сильна, настолько сильна, что сейчас нет возможности бороться. Это может быть не так, если он находится на пике, но в это время он просто остаточная душа, независимо от того, насколько она сильна, это всего лишь остаточная душа.

В железной тюрьме находится только один человек, но все помещения полностью укомплектованы. Здесь есть кровати, столы и стулья, книжные полки, а на полках даже полно книг.

В приемной за пределами железной тюрьмы, лицом к железной тюрьме, установлен полукруг из стульев. На стульях сидят семь человек.

Человек, сидящий в центре, кажется, обладает неким величием короля, даже если он не говорит, он наводит ужас одним лишь взглядом. Это природный темперамент, независимо от того, как другие учатся ему, он не обязательно может быть усвоен. Конечно, он тоже научился этому темпераменту, но он не научился тому же самому. Он - принц Дакси. Поэтому его вид величия и импульс не может быть усвоен другими, а статуса недостаточно, чтобы усвоить.

И он научился этому у своего отца, Чэнь Унуо, великого императора Великой Си, который считался совладельцем мира. Но он прекрасно понимал, что никогда не сможет обладать темпераментом своего отца.

Если он - царский дух, то Чэнь Унуо - императорский, единственный в мире.

Его звали Чэнь Чжунци. Раньше он был лучшим и закадычным другом Фан Чжэна, а Фан Чжэн считал его братом. Рядом с ним сидят три человека слева и три человека справа. Трое слева, человек рядом с Чэнь Чжунци, по имени Гу Цзюлин, сейчас является одним из руководителей девяти отделов при церкви. Человека рядом с ним зовут Нин Ятинг, по статусу он далеко не

сидит здесь, но он очень особенный, и даже Чэнь Чжунци относится к нему с вежливостью. На самом дальнем от Чэнь Чжунци стуле слева сидит женщина. На вид ей около тридцати лет, в уголках глаз морщинки, но она по-прежнему красива. Ее зовут Жасмин. Без фамилии ее называют Жасмин.

Справа, рядом с Чэнь Чжунци, сидит старик, очень пожилой и очень старый человек, с волосами и бородой, уже редкими, белыми и курчавыми. От всего лица исходило мрачное ощущение, как будто он всегда находится в тени. Находясь в машине в это время, даже под жарким солнцем, такое же ощущение. Как будто кто является его тенью.

Этого старика зовут Чжан Юй.

Справа от старика сидит женщина, которая совсем не похожа на женщину.

Она как минимум на два размера больше, чем эта рыба чжан, ее рост более двух метров, а масса мяса на ее груди также больше, чем у рыбы чжан. На ее талии более трех чжань-рыб. Следует сказать, что три рыбы чжан в ней не должны быть проблемой. Возможно, из-за тепла тела, на ней был только топ, но она совсем не была очаровательной.

Ее зовут Ма Хуахуа.

Крайний справа - невысокий мужчина, очень невысокий и маленький. Вчетвером он может быть такого же роста, как Ма Хуахуа. Сидящий человек похож на мяч, а когда он встает, то максимум на футбольный мяч. При ходьбе он словно мяч катится. Шеи не видно, голова, кажется, лежит прямо на плечах и немного сгорблена.

Его зовут Тие Мэтр.

Семь человек, столкнувшихся в борьбе в железной тюрьме.

Фан Чжэн не смотрел на остальных шесть человек, независимо от того, насколько сильны были эти шесть человек, они не были в его глазах. Он смотрел только на Чэнь Чжунци, и даже такие люди, как Чэнь Чжунци, панически боялись его. Если бы вокруг не сидели шесть мастеров, Чэнь Чжунци мог бы рассердиться или даже разозлиться. Иногда человек, который злится и сердится, не обязательно из-за гнева, но и из-за страха.

"Похоже, что ты хочешь бросить меня восьмерым".

Возможно, потому что атмосфера действительно неловкая, Чэнь Чжунци хотел выразить свою легкость этим открытием. Но все шесть человек вокруг него пристально смотрели на Фан Чжэна, и никто не почувствовал его юмора.

Хотя все они знают, что нынешний спор уже не тот, что на пике, хотя они уверены, что эту железную тюрьму не сломить таким спором. Но они все равно не смеют относиться к этому легкомысленно, и никто не осмеливается. В этом мире есть такой человек. Даже если вы просто подумаете об имени этого человека, вы будете бояться и бдительно следить за ним в своем сердце. Нет сомнений, что Фан Чжэн - именно такой человек.

Все присутствующие эксперты относятся к числу мастеров. Конечно, мы можем посмотреть, в каком положении сейчас находится Фан Чжэн.

Но никто не осмеливался презирать его, совсем никто.

Фан Чжэн холодно усмехнулся: это самая большая ирония Чэнь Чжунци.

"Зачем ты послал меня во дворец?"

с усмешкой спросил Фан Чжэн.

Чэнь Чжунци пожал плечами, поэтому притворно легко сказал: "Наверное, потому что отец-император считает меня самым стабильным".

Фан Чжэн: "На самом деле, ты знаешь ответ в своем сердце, но не хочешь осмелиться признаться в этом".

Чэнь Чжунци: "Что я не хочу осмелиться признать?"

"Почему вы послали меня во дворец?"

Тот же вопрос снова задал Фан Чжэн.

Чэнь Чжунци молчал и не отвечал.

Фан Чжэн с усмешкой сказал: "Не смеешь говорить? Я скажу за тебя. Неужели ты думаешь, что Его Величество Святой Император не знает, что ты убил меня? Даже если он не знал этого в тот момент, то вскоре он смог это обнаружить. В этом мире никто не может скрыть свои дела. До тех пор, пока он хочет узнать, ничего нельзя узнать. Но раз он узнал, почему он не наказал тебя? Потому что ты его сын, вот и все. . "

Слова Фан Чжэна пронзили сердце Чэнь Чжунци как нож. Он мог быть непоколебимым перед кем угодно, но перед Фан Чжэном он не мог этого сделать. Перед Фан Чжэном, особенно перед Фан Чжэном, который должен был умереть, он не мог успокоиться.

"Ты знаешь, что ему нужно?"

спросил Фан Чжэн у Чэнь Чжунци, но Чэнь Чжунци не ответил.

Фан Чжэн продолжил: "Чэнь Унуо стремится стать величайшим императором и святым монархом. Но в глазах других он уже святой монарх, к чему ему еще стремиться? Он хочет стать совершенным монархом, то есть Не имеющим времени. Он хотел быть святым, которого никогда не будут критиковать, поэтому не только у него самого, но даже у вас не может быть недостатков. Как только стало известно, что его сын убил первого седла Мингфа, то для него это стало пятном. Если будущие поколения упомянут об этом, то это точно будет не твой Чэнь Чжунци, а тот, кто является сыном Чэнь Унуо. "

Он поднял палец к Чэнь Чжунци: "Чэнь Унуо назовет Ван Гу, а ты - максимум сын Чэнь Унуо. Даже имя не будет вспоминаться в будущем".

"Заткнись!"

в гневе выругался Чэнь Чжунци.

Фан Чжэн рассмеялся: "А что, я сказал, что это больно? Раз Чэнь Унуо попросил его не иметь времени, значит, он не мог позволить своему сыну пойти наперекосья, кроме сына, вокруг него нет родственников. Если его закадычные друзья выйдут из дома и сделают что-то, нарушающее закон, то в будущем о Чэнь Унуо будут говорить, что он работает не по правилам. Если его сын

нарушит закон, люди будут говорить, что он не умеет учить детей. Независимо от того, является ли он ненадлежащим работником или не имеет возможности обучать детей, это повредит его репутации. "

"Поэтому он не убивает вас и не наказывает. В этом случае недостатков не будет. По крайней мере, посторонние не знают, простые люди не знают. Вы слышали историю о краже колокольчика? Чэнь Ченуо почти такой же".

Фан Чжэн говорил все спокойнее и спокойнее, тон был очень спокойным: "Однако я советую тебе не трогать эту нижнюю черту, это и есть нижняя черта."

Чэнь Чжунци: "Ты всего лишь рядовой узник, и ты все еще считаешь себя первым в дивизии Минг Фа?"

Фан Чжэн покачал головой: "Я даже не пленник, я просто мертвец. Мне просто интересно, когда ты собираешься это сделать? Чэнь Унуо передал меня вам, на самом деле, очевидно, что он просто позволил вам убить меня. Если ты передашь меня кому-то другому, он не обязательно убьет меня. Они будут чувствовать, что Его Величество Император передал эту партию им, это их доверие, и они должны безопасно и надежно отправить эту партию неопределенной личности. Идите во дворец. "

"И ты единственный, кто точно начнет, поэтому он выбрал тебя".

Фан Чжэн прошел несколько шагов вперед, глядя в глаза Чэнь Чжунци на фоне края тюрьмы Тие: "Ты боишься?"

Чэнь Чжунци глубоко вздохнул и успокоил себя, по крайней мере, не слишком стыдно перед руками.

С точки зрения импульса, он уже проиграл Аньчжэну, но он больше не может терять свою грацию.

"Ты должен быть прав".

сказал Чэнь Чжунци: "В этом и есть разница между мной и тобой. Ты всю жизнь вершил правосудие, но в итоге получил такой результат. А я тот, кто убил тебя и многих людей, но я просто должен следовать. Если ты не затронешь конечную цель, я всегда буду жить хорошо. "

Фан Чжэн не раздражается и не злится: "Я слишком хорошо тебя знаю, и рано или поздно ты умрешь. Если ты не можешь удержать нижнюю границу, ты не серьезное устройство, и тебе не нужно разрабатывать такую большую игру. Иди и убей меня".

Чэнь Чжунци внезапно улыбнулся: "Ты такой жалкий".

Фан Чжэн посмотрел на него косо: "Беднее тебя?"

Чэнь Чжунци встал и вышел за пределы железной тюрьмы, между которыми было всего несколько железных прутьев. Он посмотрел в глаза Фан Чжэну, и Фан Чжэн тоже посмотрел в его глаза.

"Я жалок".

сказал Чэнь Чжунци: "Я думаю, что ты жалок, но ты думаешь, что я принц, но я никогда не

смогу стать святым императором, потому что я не могу жить своим отцом, верно? Это моя жалость, что ты всегда думал, что это правда, ты прав. И не только я. Мои братья думают так же, и все они чувствуют себя жалкими. Но поскольку мы с самого начала знали, что нас жалеют, у нас было хорошее настроение. "

"Ты другой, ты такой жалкий".

Он посмотрел в глаза Фан Чжэна: "Ты такой жалкий, что до сих пор не знаешь, кто собирается тебя убить. Ты настолько жалок, что до сих пор питаешь иллюзии".

"Что ты хочешь сказать?!"

спросил Фан Чжэн.

Чэнь Чжунци вздохнул: "Неужели ты теперь не понимаешь? Я никогда не хотел убить тебя... никогда".

В одно мгновение лицо Фан Чжэна стало белым.

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2184555>